

строчная заметка «Вопрос», связанная с неурожаем и голодом в центральной России, или, например, замысел неосуществленной статьи о школах для крымских татар. Кроме того, одним из главных достоинств писательской манеры Бандакова Чехов называет простоту и краткость, что характерно для его собственного творчества.

Но, пожалуй, наиболее исповедально звучат цитировавшиеся строки из некролога о Линтваревой, написанные в то время, когда болезнь Чехова уже не раз давала о себе знать.

Героиней же прозы и драматургии писателя могла бы скорее стать не З. Линтварева, а ее сестра, тоже врач, «старая дева, тихое, застенчивое, бесконечно доброе, любящее всех и некрасивое создание» (Письма. Т. 2. С. 278). Такой ее увидел Чехов. А год спустя он напишет о ней в письме к Суворину: «Вы интересуетесь знать, продолжает ли Вас ненавидеть докторша. Увы! Она пополнела и сильно смирилась» (Письма. Т. 3. С. 215). Такова судьба многих чеховских героев. Но писатель считал нужным говорить и о других людях, точнее, о другом в людях — о безоглядной вере, способности к самопожертвованию, к подвигу.

Три некролога не случайны в творчестве Чехова. Они глубоко связаны с его личностью и, что еще более ценно, подтверждены опытом его жизни.

¹ Бунин И. А. Собр. соч.: В 9 т. М., 1965—1967. Т. 9. С. 180.

² Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М., 1974—1983. Письма. Т. 3. С. 44. В дальнейшем все ссылки на это издание даются в тексте с указанием тома и страницы.

Н. Ф. ПОПОВА

ОСОБЕННОСТИ РЕАЛИЗМА Е. ЧИРИКОВА В ПРОЗЕ 90-х ГОДОВ О ДЕРЕВНЕ

Литературное движение 90-х годов XIX века было явлением своеобразным по тематике и проблематике художественных произведений, по наличию в нем разнообразных писательских индивидуальностей. Но эту эпоху роднит с предшествующими десятилетиями главный вопрос, стремление решить который определяло состояние общественной и литературной жизни страны. Это — крестьянский вопрос. Ответить на него надо было на новом этапе развития, в период энергичного наступления капитализма.

Свой вклад в художественное исследование деревенской жизни 90-х годов внес Е. Чириков. Он посвятил изображению крестьянской жизни такие рассказы, как «Свинья» (1888), «В лесу» (1895), «Прогресс» (1896), «Хлеб везут» (1897) и др.¹ Пожалуй, самый значительный для понимания творческой индивидуальности писателя последний из перечисленных. Думается, не случайно этот рассказ с подзаголовком «В летопись голодного года» был опубликован в «Новом слове» (1897, № 7) именно тогда, когда в журнал пришли «легальные марксисты» и развернули полемику с либеральным народничеством, изображавшим деревню как устойчивую общность, которую грозит свалить капиталистический «молох». Наивная вера в спаянность членов «опчества» мешала писателям-народникам полноценно изобразить переход деревни к капитализму. «Идеализация крестьянина и его общины — одна из необходимых составных частей народничества, и народники всех оттенков... принесли обильную дань этому стремлению идеализации и подкрашивания «общины»², — указывал Ленин. Сказанное о теории народников во многом верно применительно и к литературному народничеству, особенно либеральной его тенденции.

Прогрессивная литература 90-х годов преодолевала традиции народнической беллетристики и призывала к правде «без всяких прикрас», наследуя завоевания реализма 60-х годов. В числе таких произведений и рассказ Чирикова «Хлеб везут». Уже начало рассказа противостоит сце-

нам радостного и дружного труда «детей полей» у Златовратского и Нефедова. Эмоционально окрашенный пейзаж определяет суровую тональность повествования о голодающей деревне: «Стоял жаркий июльский полдень. Небеса были чисты, безоблачны, и солнце жгло, как огнем. Земля дышала зноем, сохла в камень и трескалась. Растительность умирала от жажды... Луга желтели пожженной травой. Остатки ярового гибли под раскаленными лучами солнца...»³

Мотив умирания, гибели, тупика усиливается описанием деревни.

Единственная ее улица была «пустынна и заброшенна». «Некоторые избенки были покинуты и как-то задумчиво смотрели своими наглухо забитыми окнами...» «Казалось, деревушка вымерла», — заключает автор (с. 103).

Главная сила, двигающая сюжет рассказа, определяющая характеры героев и их внутренний мир, их группировку и взаимоотношения, — неумолимая реальная необходимость, одинаковая для всей массы народа. Всеми действиями героев руководит «гнетущий интерес» (Н. Щедрин), т. е. материальная нужда. Эта черта, привнесенная в сюжет и композицию демократической литературой 60-х годов, лежит в основе рассказа Чирикова. Голод, нужда определяют все — и прежде всего поступки Петрухи, отца умирающего семейства. В его судьбе персонафицирована трудная жизнь всех обитателей деревни. Только что схоронил Петруха маленького Митьку, вскоре умирает младшая дочь Акулька. Больны и старшая дочь, и сам Петруха.

Тема страданий бедняка, отчетливо заявленная в рассказе, разработана Чириковым не только в нравственно-психологическом, но и в социальном плане, ставшем завоеванием литературы в 60-е годы. Писатель обращает внимание читателя на «пагубные обстоятельства» (Чернышевский), которые уродуют человека. Психологизм Чирикова приобретает социальную окраску: его интересует прямая зависимость душевных движений и поведения героя от повседневных обстоятельств жизни. Так, мучительное, голодное и бесправное существование делает Петруху равнодушным ко всему, даже к жизни своей и своих близких. Вот характерное для героя психическое состояние, поданное в форме внутреннего монолога: «Не смотрел бы на свет божий — тошно!.. <...> Повалился бы на землю, да так и не встал бы, на все плюнул бы... Либо ушел бы куда-нибудь на край света <...> Всех бы бросил: и избу, и коровенку, и мертвого Митьку... Пусть как хотят...» (с. 102—103). Душевное опеченение героя доходит до такой степени, что при известии старшей дочери о смерти Акульки («Холодная и не дышит...») только и нашлось у Петрухи слов, что «Бог с ней!»

Равнодушие крестьянина ко всему на свете сочетается с его покорностью и пассивностью. В чириковском Петрухе жив патриархальный мужик, давно и твердо знающий, что он меньше всех и должен всем подчиняться. Так, он безропотно дает десятнику высечь себя, когда, обрадованный известием о привезенном хлебе, громко запел около дома земского начальника. Сцена наказания и реакция на него Петрухи типична. Она воскрешает в памяти многочисленные «секуции», изображенные шестидесятниками (например, «Велик бог земли русской» Якушкина) и той прогрессивной народнической литературой, которая преодолевала узкие горизонты этой доктрины («Вольный человек» Каронина-Петропавловского).

Психологические детали рассказа выразительно свидетельствуют о том, что источник многих несчастий созерцательности и пассивности крестьянства в рабской психологии «глуповцев». Горько было осознавать эту истину в 60-е годы, еще горше — в 90-е, но формула Салтыкова-Щедрина «русский мужик беден сознанием своей бедности» оставалась верной и в эпоху бурного развития капитализма, хотя правозверная народническая литература пыталась оспорить этот тезис. Чириков отказывается от народнической идеализации мужика, понимая, что, хотя общественная жизнь 90-х годов начала пробуждаться, это верно применительно к

разночинной интеллигенции, а крестьянская масса еще во многом представляет собой тех самых «дюжинных» людей, о которых говорил Чернышевский в статье «Не начало ли перемены?»

Критический взгляд на мужика в рассказе Чирикова не просто повторение 60-х годов: он формируется с учетом опыта народничества, результатов капитализации деревни, которая неизмеримо увеличила тяготы крестьянства и ускорила распадение былых экономических, общественных и личных связей. Это отрицание на новом этапе. В рассказе «Хлеб везут» налицо разрушение эстетики 60-х годов: физический труд крестьянина больше не является характерным элементом типических обстоятельств при изображении процесса жизни и формирования характеров.

Отметим, что влияние среды на поведение и психику человека в повествовании Чирикова не является фатальным. Писатель, следуя в данном случае за эстетикой Писарева и шестидесятников, изображает (и это психологически оправдано) попытки Петрухи как-то изменить жизнь, вмешаться в ее неумолимо жестокое течение. Правда, в уродливом мире эта попытка приобретает уродливые формы: Петруха хочет поджечь свою избу, получить от земства «вознаграждение» и уйти в город, к жене. Но его подкараулили мужики и злорадствуют: «Поди-ка вот теперь к становому-то, поговори с ним...» (с. 117).

Развязка этого небольшого сюжета реалистична, она свидетельствует о том, что действительно стало яркой приметой деревенской жизни: каждый сам за себя, каждый сам по себе. Нет между крестьянами единения, доброты друг к другу. Так, жители деревни ругают и проклинают Петруху, когда он, стремясь обрадовать их, принес неверное сообщение о хлебе для раздачи голодным. В рассказе почти отсутствуют массовые сцены, которых много было у писателей-народников, поскольку сегодняшнюю деревню Чириков видит разъединенной. И даже тогда, когда случай собирает мужиков вместе (сообщение о мукé), голоса их звучат вразнобой. «Поднялось галдение», — заключает эту сцену автор.

Жизнь деревни утратила извечную основательность, которая долгие годы была отличительной чертой крестьянства. Они живут одним днем: появилось немного муки — раздали, напекли хлеба — тут же съели в надежде, что кто-то придет. Существование крестьян в 90-е годы — это стадия «мелочей и пустяков» (Каронин-Петропавловский), когда отсутствует созидательный труд, нет реальных деловых взаимоотношений, а господствует случайность.

Так полемизирует Чириков с воззрениями народничества, уповавшего на единение «опчества», на цельность крестьянского «мира». В своем стремлении запечатлеть разъединение людей, ужаснуться ему, задуматься, как ему противостоять, Чириков близок к художественным исканиям малой прозы 60-х и 80-х годов, сатирических циклов Салтыкова-Щедрина, романного наследия Достоевского.

Разобщенность крестьянского мира отразилась и на сфере семейных отношений. Жена Петрухи ушла в город на заработки, и видятся они редко. Петруха после похорон сына рассказывает случайным слушателям в кабаке, что «жена — в городе и не знает ничего...» (с. 107). Эта, пусть неразвернутая, сюжетная линия таит в себе фиксирование и осознание перемен, свершившихся в деревне. Причем «раскрестьянивание» деревни, повлекшее за собой разрушение семейного уклада, принимается всеми как должное и не вызывает противодействия ни у односельчан Петрухи, ни у него самого.

О зоркости Чирикова-реалиста, художественно исследующего приметы капитализации деревни, свидетельствует диалог между Петрухой и кулаком Николаем Елифанычем. Николай Елифаныч уверен в лености мужика: «Что пужно? Поди опять клянчить?» Пользуясь горем и нуждой Петрухи, он обманывает его при покупке коровенки, а тот и не противится такому бессовестному грабежу. Сцена эта отчетливо характеризует социальное расслоение деревни как устоявшееся и привычное для обеих сторон. Авторская позиция здесь подчеркнута бесстрастно и тем самым

противостоит народническому взгляду на капитализм как явление, несвойственное укладу русской деревенской жизни. Такой объективизм был одной из характерных черт реалистической литературы 80—90-х годов.

Объективизм Чирикова сродни чеховскому, поскольку «тоска по идеалу» есть и в его произведении. Авторская позиция проявляется своеобразно: не в форме открытого публицистического обращения к читателю, а с помощью, например, оценочных слов при обрисовке явлений. Так, стремление автора выразить отрицательное отношение к крестьянской покорности и равнодушию передано словами-характеристиками, отражающими душевное состояние героя. Когда кулак надует Петруху, тот, не понимая обмана, «разом повеселел и бодро зашагал к дому» (с. 105). «Тупо, сосредоточенно,— пишет Чириков,— вглядывался Петруха в личико мертвого сына».

Применяет Чириков и еще один из способов выражения авторской точки зрения — меняющуюся дистанцию между повествователем и действующими лицами. Так, взгляд писателя на Россию верхов — дворянскую, буржуазную, скрывающую свою суть за либеральной болтовней, — постоянно резко критичен. Этот критический пафос отчетливо звучит в рассказе мужика в трактире о земском начальнике, который «не велел пьянствовать, а работать, приказал шапку перед всеми господами скидывать, а главное, скверными словами не ругаться на улицах...» (с. 107). Дистанция же между автором и Петрухой не так постоянна. Наряду с критической оценкой поведения и поступков Петрухи ощущается глубочайшее сочувствие народной судьбе. Оба проявления народности, диалектически соотносенные между собой, роднят идейную направленность рассказа Чирикова со всей прогрессивной литературой второй половины XIX века.

Рассказ Чирикова привлекает внимание демократическими симпатиями автора и его стремлением к безусловной жизненной правде. В нем Чириков показал себя писателем, твердо усвоившим советы Короленко о необходимости изучения «живого факта»⁴. Он наследует лучшие традиции своих предшественников. От 60-х годов Чириков взял новую, по сравнению с «натуральной школой», обрисовку характера. Его Петруха — не только конкретное лицо, но и социально-психологический тип. От шестидесятников же у Чирикова идет изображение новых слагаемых среды, прежде всего социально-экономических отношений.

Художественное исследование взаимодействия характера и среды позволило писателю приблизиться к тем лучшим произведениям реалистической литературы, в которых диалектически соотношены понимание народа как «воплотителя идеи демократизма» (Н. Щедрин) и народа в его сиюминутном историческом бытии. Прогрессивная идейная направленность рассказа Чирикова нацелена против слабых сторон народнической прозы, идеализировавшей мужика и «мир».

Но было бы неверно видеть в его рассказе только повторение пройденного. Чириков как художник нового времени одновременно с усвоением традиций предшественников разрушает их эстетику, исключая, например, физический труд из числа характерообразующих элементов. С особенностями жизни на новом уровне развития связан объективизм Чирикова: аналитичность его прозы, внимание к оттенкам и деталям явлений, стремление не навязывать читателю авторские суждения.

Рассказ Чирикова «Хлеб везут» отражает искания прогрессивной литературы 90-х годов XIX века, когда объектом художественного исследования стал общественный смысл распада патриархальной деревни и возникновение деревни капитализирующейся.

¹ Чириков Е. Н. Повести и рассказы. М., 1961. С. 7—8.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 2. С. 522.

³ Чириков Е. Н. Повести и рассказы. С. 102. Дальнейшие ссылки на это издание даются в тексте статьи с указанием страниц.

⁴ Короленко В. Г. О литературе. М., 1957. С. 487.